

К.полит.н., старший
преподаватель ГГАУ
А.Ш.Габараев

Когда президент РФ Д.А. Медведев и члены Совбеза РФ приняли историческое и необратимое решение о проведении миротворческой операции по принуждению Грузии к миру, а позже признали независимость Южной Осетии и Абхазии, мы перешли рубикон, который ранее гипнотизировал политическое сознание российского руководства. Путин, будучи президентом, предпринимал шаги, способствующие укреплению российской государственности (контртеррористическая операция в Чечне, реформа о назначаемости губернаторов и т. д.). Это было ярким контрастом разрушительной практике правления Горбачева–Ельцина, но не вышло за орбиту внутренней политики. После Цхинвала мы осознали, что безопасность России, а также ее граждан необходимо обеспечивать и за пределами страны.

Кавказ вновь, во второй раз, в хронополитике новой России стал своего рода точкой бифуркации, одним из системообразующих факторов в ее национально-государственном становлении и развитии.

Если Путина сделала настоящим Президентом вторая война, 1999–2002 гг., в Чечне, то Медведева, как утверждают эксперты, таковым сделала война в Южной Осетии. Вновь, как и 10 лет назад, новый цикл российской политической системы начался именно с Кавказа [1].

В Южной Осетии Россия уверенно заявила о себе как о самостоятельном центре силы, показав, что она оправилась от шока катастрофы распада СССР и готова занять свое традиционно важное место в новой, справедливой конфигурации мироустройства.

Некоторые аналитики считают, что после того как Москва ответила на геноцид осетинского народа правом миротворческого мандата на силовое принуждение Грузии к миру, с последующим признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, мы вольно или невольно вступили в новый темпоральный имперский цикл, который уже давно формируется в национально-терри-

Цхинвал – точка бифуркации

А.Ш. Габараев

ториальных стратегиях развития крупнейших авторов глобализма.

После событий августа 2008-го в Южной Осетии ситуация в мире в целом и на постсоветском пространстве в частности перешла в новую, более острую фазу. Предпринимаемые нами меры по защите нашего цивилизационного проекта и пространства шагнули от политико-экономических и сетевых сценариев к прямому вооруженному столкновению. К такой политической парадигме, когда многие теоретические проблемы и рассуждения переходят в сферу прямых военных, политических и геополитических решений.

Таким образом, темпоральные вызовы глобализма предъявляют требования перегрузки всей национально-государственной стратегии развития российской цивилизации на программу развития в качестве мировой державы имперского типа. То есть государственности, эффективно и корректно решающей всеобщие мировые проблемы на собственной территории и организующей по просьбе иных народов, цивилизаций и государств дееспособные коалиции по решению любых мировых проблем в любой точке земного шара. Как мировая держава, Россия должна будет осуществлять свое цивилизационное всеприсутствие в мире и определять желательный для себя мировой порядок.

Такая задача определяется как необходимостью новой идентификации России, построенной на воспроизводстве ее тысячелетней традиции мировой государственной жизни, так и текущими политическими процессами в мире.

При этом эксперты указывают на необходимость различать такие понятия, как «державность» и «империя» [2], так как в основе архетипа «державность» политической философии России, в отличие от «имперскости», лежит идея не власти, господства или насилия, а основательности и прочности.

Таким образом, под понятием «мировая держава» подразумевается способность к всемир-

ности и направленность на удержание основательного и справедливого мирового порядка [2].

В нашем случае «котлованом» империи (*терминология А. Дугина. – А.Г.*), ее нулевым циклом может стать интеграция постсоветского пространства. Ибо все постсоветские государства обладают только таким суверенитетом, который им предоставила слабость Москвы в 1990-е годы и потенциальная поддержка Вашингтона.

Как отмечают специалисты, одной из основных проблем современной России на нынешнем этапе является отсутствие у нее какой-либо внятной, сформулированной стратегии своего национально-государственного развития и соответствующей идеологии.

В контексте внутренней политики экспертами отмечается, что одно из основных препятствий для становления российской гражданской нации состоит в отсутствии у властей и общества образа будущего страны, образа «российской мечты» [3].

Внешний аспект характеризуется тем, что «у Российской Федерации в отличие от Российской Империи или СССР до сих пор нет публично объявленных ценностей, которые представляли бы альтернативу западному мировоззрению. А между тем, если бы Россия явила себя миру как носителя альтернативной Западу идеологии, публично провозгласила бы себя государством незападного типа, у нее стали бы появляться союзники, которых пока мы не видим» [5], – считает эксперт из Санкт-Петербурга Сергей Петров.

Следовательно, в аспекте внутренней и внешней политики необходим такой цивилизационный проект, который мог бы объединить все этнические группы постсоветского пространства, вывести их из-под геополитических зон влияния Запада, держав Юга и Востока. Объединить на общей евразийской основе в рамках комплиментарной формы самоорганизации – союзного государства в статусе мировой державы.

Вызовы современной глобальной политики развития диктуют России необходимость возвращения к своему традиционному типу государства, «имперскому естеству» [5]. Тем более сейчас, когда все маски сброшены, декорации обрушились и кидаться в объятия США уже просто не получается, сделать это значительно проще.

В этом смысле пристального внимания заслуживает предложение известного политолога, президента фонда «Экспериментальный творческий центр» Сергея Кургина по созданию проекта новой союзной концепции [6].

По его мнению, в рамках такой масштабной и перспективной парадигмы могут быть приняты принципиальные решения, достигнут стратегический компромисс между всеми заинтересованными сторонами. В конце концов, по мнению специалиста, это попытка выйти из существующего тупика и избежать большой войны на предмет нового передела миропорядка [6, с. 5].

И действительно, современный мировой политический процесс характеризуется тем, что «имперский эйдос» вновь возвращается. Об этом все больше говорят и американские политологи. Так, Совет по международным отношениям США начинает прямо говорить о построении единой северо-американской нации, подобно советскому народу. Уже строится северо-американское государство в составе трех государств. Ведется речь об иберийской цивилизации в Южной Америки.

Таким образом, оказалось, что локус современной хронополитики глобализма приобретает имперские черты. И почему-то единственная, кто не может об этом даже и думать, – это Россия, которая имеет для этого все предпосылки в гораздо большей степени, чем кто-либо другой.

Наши восточно-европейские соседи и бывшие коллеги, мечтая освободиться от «имперского сапога», с удивительным рвением стремятся попасть под другой сапог, и попав, так уютно себя чувствуют, что забыли уже, что такое свобода и все другие принципы и понятия либеральной демократии.

На наших глазах Евросоюз постепенно приобретает все больше признаков имперского типа государственного образования.

На сегодня Европейский проект (Объединенная Европа) имеет две геополитические идентичности: как окраина американской империи, служащая местом для размещения американских военных баз, и как зародыш альтернативного геополитического образования с собственной системой интересов и приоритетов, которые вполне могут отличаться от американских (подчас существенно). Поэтому следует говорить не об одной Европе, а о двух, которые накладываются одна на другую.

Эксперты различают Европу атлантическую и Европу континентальную.

Подобная дихотомия пронизывает все социально-политическое пространство Европы. Она не может сделать выбор между двумя имперскими проектами – конформистским американским

* Империя (от лат. imperium, букв. «власть») – тип государства до появления национального государства. «Обширное государство, включившее в свой состав территории других народов и государств» [1]. Многие империи, с целью сохранения своей территориальной целостности и единства, стремятся к нивелировке этнических и религиозных групп внутри государства, что нередко приводит к доминированию лишь одного этноса (титульная нация). Наличие монарха – императора во главе государства не является обязательным признаком империи, так как титул «император» может использоваться произвольно, без всякой связи с сущностью государства.

и альтернативным (если угодно – «революционным») европейским и континентальным. Тем не менее большинство европейцев, на наш взгляд, четко понимают, что даже конкурентными, не говоря уже о стратегической независимости, они могут быть только в формате Евросоюза, а не как национальные государства.

Иными словами, имперская форма политической организации – это давно решенный вопрос и для Европы: независимо от того, станет ли когда-нибудь Европа самостоятельной империей или будет оставаться периферией атлантизма, она обречена на интеграцию.

Таким образом, возникает вопрос: «Почему Европе и Америке можно объединять национальные государства и строить нечто общее, а России нельзя»? Почему им никто не говорит, что они топчут империалистическим сапогом кого-то?

Не секрет, что понятие «империя» в нынешнем политическом дискурсе отягощено негативной семантической коннотацией, что связано с непростым политическим наследием нашей, да и мировой истории. Возникает представление об империи как о чрезвычайно архаичном явлении, изжитом современной цивилизацией еще на пороге Нового времени.

Так ли это на самом деле? Известно, что древние и современные империи представляли собой такую форму политического устройства, которая по технологическим, идеологическим, социальным, управленческим, экономическим параметрам намного превосходила те общества, которые предшествовали возникновению этих империй.

Как показывают некоторые эксперты, империя практически всегда несла с собой модернизацию народов, обществ и государств, попадавших в ее границы. Она устанавливала на огромных пространствах общий социальный и правовой уклад, унифицировала и открывала частные этнические общины для интенсивного диалога со всеми остальными, способствовала техническому развитию, облегчала торговлю и иные формы культурного обмена, создавала предпосылки для развития гражданского общества [5].

Империя также представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое сочетает жесткий стратегический централизм (единая вертикаль власти, централизованная модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единая система сбора налогов, единая система коммуникаций и т.д.) с широкой автономией региональных политических образований, входящих в ее состав (наличие элементов этноконфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко раз-

витая система местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти – от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств) [7].

Империя также наделена таким сакральным понятием, как миссия. Она воспринимается как политическое воплощение исторической судьбы человечества. Миссия может осознаться в различных формах: религиозных (Византия, Австро-Венгрия, Исламский Халифат, Московское царство и т.д.), гражданских (Древний Рим, Империя Чингисхана и т.д.), цивилизационных (Китайская империя, Иранская империя) или идеологических (коммунистическая империя СССР, либеральная империя США).

В таком обобщенном политологическом и социологическом понимании империя и ее принципы приобретают особую актуальность и для нашего времени.

Представляется важным прояснить, что когда речь идет о распространении российского влияния на постсоветское пространство, то не имеется в виду прямая колонизация в старых традициях. Сегодняшние империи редко прибегают к таким методам (Ирак или Косово все же исключение). В современном мире отработаны более тонкие и эффективные сетевые технологии, которые позволяют добиться аналогичных результатов иными средствами – с использованием информационных ресурсов, общественных организаций, профессиональных групп и социальных движений.

У России сегодня есть шанс и есть ресурсы. Но если не будет уверенности в исторической необходимости строить на пространстве СНГ фундамент для нового державного здания, то Москва может упустить и эту возможность. Тем более, что сама логика и закономерность «большой политической игры» диктует подобную необходимость. Ибо, как известно: «политика – это искусство возможного...».

Имперский проект для России предполагает активное развитие отношений с потенциальными партнерами по многополярности.

Большое значение имеет сближение с Китаем. Если Китай и Россия начнут действовать консолидированно, то американской гегемонии и присвоенному США праву единолично определять, какой принцип в каждом конкретном случае следует применить – принцип территориальной целостности или принцип самоопределения, – придет конец. Так Россия и Китай смогут помогать друг другу создавать собственные империи – не за счет друг друга, а за счет ограничения планетарного характера империи американской.

Чрезвычайно важны сейчас контакты с исламским миром, в первую очередь с Ираном, но также

и с Пакистаном, арабскими странами, мусульманами Тихоокеанского региона и т.д. Это не просто ресурсная опора, но и источник политической воли (которой так часто не хватало Кремлю до августа 2008 г.). Тегеран давно бросил прямой вызов Вашингтону, и платит за это международной блокадой. Россия в данной ситуации заинтересована в том, чтобы помочь Ирану прорвать эту блокаду, а также в том, чтобы иранская энергетика развивалась, а уровень ее вооружений повышался. Пакистан сейчас лихорадит, но антиамериканские настроения там растут с каждым днем.

Латинская Америка все громче заявляет о неприятии американского контроля.

Своим путем пытается идти и Индия, переживающая мощный экономический и технологический подъем.

Каждая из перечисленных стран через противостояние американской гегемонии вносит свой вклад в лагерь мирового неконформизма и оттягивает на себя внимание и силы Вашингтона. При этом Москва, обладая огромным дипломатическим опытом и неплохим потенциалом, вполне может выступать координатором сил глобального неконформизма.

Русская организация национально-государственного и культурно-политического пространства исторически всегда была в виде империи. Менялись идеологические установки – от православно-монархической модели до советской, – но воля народа объединять культурно и цивилизационно гигантские просторы Евразии оставалась неизменной.

Народы постсоветского пространства веками жили вместе, разделяли основные культурные ценности, отличные как от европейских, так и от азиатских. Этот самобытный культурный ансамбль сложился вокруг русской культуры, русского языка и русской традиции, открытой для всех остальных братских народов, строивших вместе с русскими и Российскую империю и Советский Союз. В ее основе лежала сакральная идея, которая всех нас объединяет, идея, которой служили поколения наших предков. Эта идея – ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.

Ради идеала могучего и великого государства русский человек (и не только русский) готов был страдать, терпеть любые лишения и даже отдать свою жизнь. В отличие от протестантской этики, прагматического стремления извлечь максимальную выгоду для себя лично, эта идея во многом экзистенциальна. Это главная ИДЕЯ (АРХЕТИП) РОССИЙСКОГО ДУХА.

При этом, подчиняя и растворяя в себе индивидуальность человека, она взамен давала всем во много раз больше. Она давала ощущение причастности к великому организму, давала ощущение духа, ощущение силы и бессмертия.

Запад всегда стремился скомпрометировать идею нашей государственности, но она в конечном счете всегда брала верх

Базовые архетипы Евразийской цивилизации понятны для белоруса, и для казаха, и для якута, и для таджика, и для великоросса, и для молдаванина, и для осетина, и для абхаза. Множество народов и культур перемешались, обогатив друг друга, в евразийском обществе. Ядром его являются русская культура и государственность.

Народы Северной Евразии объединяет история, культура, русский язык, общность судьбы, особенности трудовой психологии, сходные этическая и религиозная структуры. Сочетание стратегического централизма и широкой автономии и самоуправления как характерный признак империи тоже не придется создавать искусственно. Почти так и обстояло дело в Российской империи и даже отчасти в СССР. Нечто подобное сохранилось и в Российской Федерации, где есть множество этносов и локальных культур.

На сегодня Российская Федерация напоминает миниатюрную и противоестественную империю, основанную не на реальных культурных ареалах общей цивилизации, а на искусственных административных делениях.

Также в странах СНГ, включая Россию, в тех границах, в каких они существуют, нет ни малейшего исторического смысла, ни геополитического содержания. Это совершенно условные границы, на нерушимости которых могут настаивать только те, кто, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», рассчитывает прибрать все это к рукам поодиночке.

К сожалению, СНГ не стало реальным полем интеграционных процессов на постсоветском пространстве, хотя сами инициаторы создания СНГ пытались представить свое творение как акт единения на новой основе. В целом, по мнению экспертов, он имел своей главной целью обеспечение мягкого, цивилизованного «развода» новых государств, часть из которых (прежде всего центральноазиатские) после подписания Беловежских соглашений просто вынуждены были согласиться на приобретение политического суверенитета и создание самостоятельного государства [7, с. 283–285].

В то же время нельзя забывать, что в значительной степени именно благодаря СНГ СССР как единое государство распался без крупных войн и гуманитарных катастроф, в принципе сохранились торгово-экономические отношения, а межгосударственные связи регулируются многими юридическими актами.

Поэтому ключевым направлением в политической стратегии России стала установка на стабилизацию геополитического статус-кво, сохра-

нение и закрепление сложившегося баланса мировых сил.

Такая установка приобрела для России прямо-таки императивный характер в нынешних условиях. Это определяется прежде всего тем, что она занимает особое, можно сказать, уникальное положение в геополитической структуре современного мира. Достаточно взглянуть на политическую карту, чтобы убедиться в том, что уже сам геополитический размах России обрекает ее на статус мировой державы, занимающей особое место в геостратегической структуре Евразии.

В силу этих обстоятельств для России речь может идти о национальной безопасности во всех ее аспектах и измерениях: глобальном, региональном, национальном, а также экономическом, социальном, экологическом, информационном, политическом.

С данной точки зрения следует считать неправомерной альтернативу: или глобальная внешняя политика, или реформы внутри страны. Для наращивания последних не обязательно свертывать внешнеполитическую активность. Они вполне могут совмещаться. Главная задача внешнеполитических служб России состоит в том, чтобы обеспечить стабильное и безопасное окружение для решения проблем, связанных с формированием и утверждением новой социально-экономической и государственно-политической системы.

Таким образом, сегодня все очевидней становится необходимость, как для самой России, так и для стран СНГ, интеграции постсоветского пространства, что связано прежде всего с геополитическими целями и долгосрочными перспективами развития их экономик.

Системообразующее место и роль России на постсоветском пространстве определяется еще тем, что, занимая уникальное геополитическое положение в Евразии, обладая достаточным экономическим, военным и духовным потенциалом и сохраняя статус ядерной державы, она является естественным центром притяжения для большинства стран ближнего зарубежья.

Возможно, каких-то политических деятелей ближнего зарубежья и не покидает соблазн дистанцироваться от России, ассоциирующейся с ее имперским прошлым, но все же есть некие закономерности и реальности, которые сильнее субъективных желаний и своеволия политиков. Эти реальности таковы, что именно России суждено играть первостепенную геополитическую роль в достижении и обеспечении стабильности во всех регионах бывшего Советского Союза, в том числе на Кавказе и во всем Кавказско-Прикаспийском регионе. Уже сегодня есть все основания для вывода о том, что завершается период преобладания центробежных тенденций новых государств. Страны СНГ вынуждены в качестве

приоритета опираться и исходить из интеграционной парадигмы [7, с. 285].

Сегодня мы можем наблюдать, как первоначальная эйфория в закавказских и центральноазиатских государствах относительно как Запада, так и мусульманского мира, которые после распада СССР стали рассматриваться ими как альтернатива Москве, в качестве приемлемых доноров и партнеров, сменилась определенным отрезвлением и даже разочарованием.

Во многих бывших союзных республиках все больше начинают сознавать, что каждая из них в одиночку не способна выйти из глубокого системного социального и экономического кризиса.

Так, пройдет еще несколько лет и в Грузии убедятся, какое будущее уготовано им в рамках англо-американского проекта, насколько плачевным будет состояние их экономики, что будет с продукцией, которая никому на Западе не нужна. И необходимо подумать, насколько велики альтернативные возможности обустройства Грузии при сохранении добрых отношений с Россией и соседними кавказскими народами.

Соображения экономических интересов и выгодно рано или поздно неизбежно будут сказываться на степени приоритетности политического фактора. Последствия разрыва для новых государств и республик могут быть значительно более негативными, чем для самой России.

В этом смысле одна из важнейших задач для всех заинтересованных сторон – предложить стратегию сближения и налаживания отношений.

Некоторые эксперты разумно предлагают выстраивать отношения по линии общественных и человеческих связей. Подталкивать политэлиты к общему видению образа будущего Союза. Уже сейчас прагматики от политики и бизнеса, как правило, акцентируют внимание на общих инфраструктурных и интеграционных проектах, на мощном человеческом потенциале СНГ, ориентированном на Север, на Россию; культурологи и политологи – на общих ментальных, социокультурных и цивилизационных основаниях.

Таким образом, основным геополитическим направлением во внешнеполитических приоритетах России должны стать страны СНГ или, как принято говорить, страны ближнего зарубежья. Все постсоветское пространство составляет сферу ее жизненно важных интересов в области экономики, обороны, национальной безопасности. Здесь сохраняется возможность неконтролируемой утечки материалов и технологий, пригодных для производства ядерного и химического оружия, техногенных и экологических катастроф. Без преувеличения можно утверждать, что сами перспективы российской государственности во многом зависят от роли и места, характера и степени влияния России в этом пространстве.

Экономическое, политическое, духовное, культурное присутствие России в этих странах отвечает ее долгосрочным национальным интересам.

Кроме того, России, при всех возможных здесь оговорках, принадлежит ключевая роль в обеспечении и поддержании стабильности если не на всем, то на большей части постсоветского пространства. Она способна как прямо, так и косвенно участвовать в социальных, экономических и политических процессах, происходящих в регионе. К тому же за прошедший со времени развала СССР период Россия так или иначе продемонстрировала свою способность быть стабилизирующим фактором как в собственных границах, так и в ближнем зарубежье. Об этом свидетельствует, в частности, та позитивная роль, которую Россия сыграла в отражении не только августовской агрессии против Южной Осетии, но и в урегулировании абхазского, карабахского, приднестровского конфликтов.

Кстати, стратегическая задача Москвы на этом этапе еще состояла в том, чтобы довести до логического конца процесс распада СССР (ведь на самом деле этот процесс еще не закончился, так как необходимо различать юридический факт распада СССР и исторический процесс) и добиться признания права на самоопределение народов постсоветского пространства, в том числе и тех, которые не желают жить вне российской государственности [7, с. 285].

Таким образом, гарантом территориальной целостности всех государств постсоветского пространства является Россия. Попытки игнори-

ровать это положение являются политической близорукостью и недальновидностью, что приводит, в целом, к одному и тому же печальному результату. События в Южной Осетии тому яркий и показательный пример (это, кстати, касается и самой России). То же самое, в принципе, касается Украины, Молдовы, Казахстана, Белоруссии [6, с. 7].

Следовательно, если кто-то попытается защитить свою территориальную целостность, минуя Россию, то эта территориальная целостность автоматически будет поставлена под вопрос. Хотим мы этого или нет, Россия как региональная держава выполняет сию функцию. И принимая какие-либо действия в данном аспекте, необходимо учитывать эту важную политическую аксиому.

Отсюда следует, что эффективная схема урегулирования и решения проблем на постсоветском пространстве не может быть найдена без участия России.

Необходимо помнить и понимать, что Россия представляет собой стратегическую ось для всего постсоветского пространства. Территориальные размеры, людская и ресурсная база, экономический, научно-технический, интеллектуальный и военный потенциалы объективно делают ее лидером почти на всем постсоветском пространстве. Реальности таковы, что при всех симпатиях или антипатиях тех или иных политических деятелей, понуждающих их ориентироваться на ту или иную страну или группу стран, российский фактор неискоренимо будет присутствовать во всех их внешнеполитических начинаниях.

Литература

- 1. Курбанов Р.** Осмысление Кавказа и аутичность власти// http://rcnc.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1275&Itemid=1
- 2. Крупнов Ю.** Россия как мировая держава. Тезисы доклада// <http://www.pereplet.ru/krupnov/189.html>
- 3. Паин Э.А.** Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества // *Общественные науки и современность.* № 6, 2006. С. 28.
- 4. Мир после Цхинвала**// <http://www.rusk.ru/newsdata.php?id=179147>
- 5. Дугин А.** Проект «Империя»// <http://www.profile.ru/items/?item=27000>
- 6. Без Кавказа нет России**// *Северный Кавказ.* Январь, 2009, №01. С. 6, с. 5, с. 7.
- 7. Гаджиев К.С.** Геополитика Кавказа. – М., 2001. С. 283, с. 283–285, с. 285.
- 8. Эксперт:** Распад СССР будет продолжаться <http://news.mail.ru/politics/1464390/>

